

18+

НИК ФОРНИТ

Человекообразные

Ник Форнит

Человекообразные

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70050760

ISBN 9785006092754

Аннотация

Некоторые вопросы сравнительного исследования поведенческих особенностей человекообразных в условиях метафизической или философской интоксикации. Мистический сюжет повести служит средством выражения, а не откровения. 18+ прежде всего, потому что раньше нет шанса понять.

Содержание

Твари божьи	6
Вечное лето 1	16
Глупая фея	22
Вечное лето 2	30
Фея и колдун	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Человекообразные

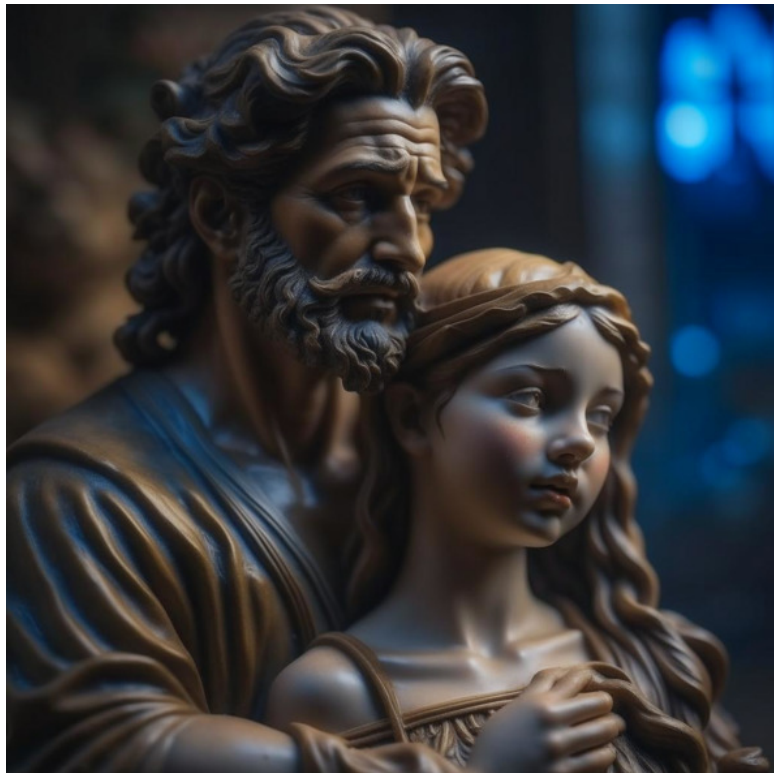
Ник Форнит

© Ник Форнит, 2023

ISBN 978-5-0060-9275-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Некоторые вопросы сравнительного исследования поведенческих черт человекообразных в условиях метафизической или философской интоксикации. Мистический сюжет повести служит средством выражения, а не откровения. 18+ прежде всего, потому что раньше нет шанса понять.

Твари божьи

Утро было туманное, хмурное. Изгадив под собой ветку, большая сытая ворона неуклюже слетела вниз и, едва успев помахать веерами растопыренных перьев, тяжело умастилась на краю ржавого мусорного бака.

Она с большим неодобрением уставилась на не выпавшегося ментяру, который рядом прикуривал дрожащей зажигалкой. Тот сразу заметил это, стопоршил усы и, прошипев: «ну точно, как теща», стал торопливо расстегивать кобуру. Охреневшая от ужаса ворона успела кануть за железный борт.

– Как эти китаезные хлопущки уже надоели! – воскликнул невдалеке шатающийся на ветру дедок, выковыривая звук из уха грязным пальцем.

А прямо за стеной дома, в ухоженной квартире, очнулась ото сна не по годам полная Марфена и первым делом скосила глаза на прижавшегося к стенке мужа Василия, во сне страстно сжимающего свою подушку тонкими волосатыми руками. Марфена любила прямой и недвусмысленный секс и давно подметила лучшее время для него – поутру, когда у мужчины, видимо, проходят контрольную поверку его системы. Она даже назвала это явление с присущей женщине романтикой «утренним петушком». Петушок у Василия

был своенравным. Марфена игриво пихнула тело мужа коленом, тот еще в сонном бессознании отвалился от стены, оказавшись на спине и с испугом распахнул глаза. Но теперь, когда освободившееся при раскрытии век натяжение кожи перестало удерживать петушок, Марфену постигло разочарование. Мимолетная философская мысль о не сложившемся счастье диалектически оформилась в твердое убеждение, что на завтрак у Василия будет овсянка.

От соседей донесся горестный звук упавшего навзничь предмета. Это Дмитрий Федорович, человек увлеченный своим здоровьем, забодал невзначай гладильную доску, когда на четвереньках совершал свою ежеутреннюю прогулку. По его убеждениям именно так ходили когда-то его предки, что обеспечивало им отсутствие остеохондроза. Аккуратные зарубки на косяке двери неопровержимо свидетельствовали, что спросонья его рост от пола до кончика носа был намного более мужественным и с этим не хотелось расставаться как можно дольше. Мягко ступая четырьмя конечностями, он носом отворил дверь в туалет и привычно высоко задрал нижнюю лапу. На низеньком столике в кухне, кроме диетически приготовленного педигрипала в мисочке его ждал разнообразный набор оздоравливающих препаратов и на десерт – стакан целебной янтарной жидкости, выработанной его же благодарным организмом.

Поодаль, уже в районе соседнего подъезда, профессиональный магистр всекосмического электричества Коровин с трудом выходил из нирваны. Женщины давно ему уже были не нужны вследствие полной самодостаточности. Удовлетворение он черпал из самого себя, безотказно потакая физиологическим капризам своей плоти, выплескивающей ему в чакры древнюю энергию. Он поднялся, подошел к окну и попытался открыть форточку. Но избыточное давление воздуха, образованное за счет кучи преюющих носков, нешуточно препятствовало этому. Чтобы окончательно вернуться в зону действия земной реальности, Коровин приложился к трехлитровой банке с еще позавчерашней заваркой побегов чайного куста обыкновенного, на ходу трансформируя мерзкий вкус напитка в аромат столетнего амонтильядо.

Ну, за кем бы еще понаблюдать чтобы развлечься, – пессимистически озадачился заштатный терминал Вселенской Гармонии, фокусирующий на земном бытие прицел всепроникающих нейтринных пучков центральной звезды местной планетарной системы. В этой стране звезду ласково называли Солнышком, а была она, по сути, галактической термоядерной бомбой, готовой сжечь всю систему, стоит только ввести нужные коды.

Когда Солнце перевалило очередной меридиан, придуманный этими людишками, и вынуждено было брызнуть

лучами на подслеповато-немытые окна заспанного города, с высоты ничем не отличающегося от муравейника, большим черным пятном разлившегося среди заснеженных лесистых просторов, в семье совсем другого матерого колдуна из кухни уже пахло свежесваренным кофе. Неудержимо разгораясь ненавистью при виде осточертевших пережаренных оладий, Анатолий вдруг с ужасом осознал конец. Неужели ради этого шесть лет назад он блеском астрального юмора и тантрической энергией страсти вскружил голову этой женщине? Так. Ненависть немедленно убрать. Он передернул бровью, обволакивая сознание уверенной силой умиротворения. В душевной кухне можно было бы и форточку открыть, но разве же она догадается? Анатолий с наслаждением вдохнул еле заметный, с детства привычный аромат дымящейся внизу по-мойки и с недоумением воззрился на восходящее солнце. Погода... погода должна быть по сезону, а эта ду... глупая женщина со своими причудами опять наколдовала мерзкую слякоть. «О господи, да что же это я...» – Анатолий опять передернул бровью, чувствуя, что этот жест грозит стать нервным тиком. – «Нужно думать о хорошем! Ведь было же у нас что-то хорошее...».

Он вспомнил как они встретились в первый раз, как начали жить вместе, переполненные радостным ожиданием столь многого друг от друга, как наслаждались своими способностями, волшебным ощущением почти божественной силы и реальностью планов осчастливить всех людей. Почему-то

сейчас говорить об этом вслух было уже неудобно. А так и оставшееся неосчастливленнoе человечество погрязало в своих пороках и, безусловно, само заслуживало той участи, в которой прозябало.

Все же нужно что-то менять...

– Аленушка, – услышал он свой голос и не придумалось, что сказать дальше. Она настороженно подняла глаза над чашкой, из которой пригубливала мелкими глоточками. «Неужели сейчас приласкает?» – подумалось с почти безрадостным безразличием, – «Когда же это было последний раз? Неужели ради этого осчастливила она его своим выбором среди многих других?».

Пауза зависла, и Алена сделала очередной горький глоточек. «Или опять предложит сходить к надоевшим Егоровым, чтобы, как и в другие пустые выходные дни, брэнчать на осточертевшей гитаре песенки, которые нравятся только ему одному, и каждую из них запивать из быстро пустеющей бутылки...". Но почему ее опять все это беспокоит? Не лучше ли принимать Все Как Есть?

– Привет, шнурки, – пробасил сын-второклассник, заглянув на кухню. Он никогда не был голоден настолько, чтобы прельститься убого-непритязательным завтраком и питался по наитию своего организма, который лучше родителей знал, что и когда ему нужно.

– Ты ошибаешься, Рыжик, – рискнул пошутить Анатолий, – мы – предки, а ты -зародыш.

– Вы – шнурики, – процедил Рыжик и чуть было не сплюнул на ковер, но вовремя вспомнил вчерашний подзатыльник. Он вовсе не был рыжей масти, и окрас его всегда угрожающе вздыбленных волос был скорее пегим. Агрессивная независимость и энергия сына нравились Анатолию. Таким и должен быть сын колдуна, призванный не только унаследовать, но и приумножить способности своего шнур... предка. Анатолий даже не безосновательно побаивался его после нескольких случаев вулканических чирьев, возникших на его седалище и необъяснимо совпавших по времени с проведенными педагогическими экзекуциями.

– Я новую игру знаю, – компромиссно снизошел Рыжик.

Ну конечно, у его дружка из соседней квартиры случилась ангина, и играть стало не с кем. Анатолий решил принять. Как Есть то, что его сын невольно пришел ему на помощь в попытке хоть как-то изменить серую обыденность. Другими же словами, просто опофигело отдался течению бытия.

– Играем в новую игру! – вяло-радостно объявил Анатолий.

Алена отставила чашку, вытерла платочком сопельку сыну и устало улыбнулась. Тот немедленно убежал за реквизитом.

– Вот! – он забрался на стул, закрывшись от всего света локтями, попыхтел с карандашом над листком бумаги и тщательно завернул его верх, оставив видным только нижнюю часть своего рисунка.

– Теперь ты дорисовывай, па! Но не все, маме оставь!

Анатолий взглянул на две вертикальные черточки, выглядывающие из скрытой завернутости и привычно напряг ясновидение. Ну, конечно, там голова человечка, а две полоски – его шея. Нужно пририсовать туловище где-то до пупка, оставив остальное жене.

Алена, в свою очередь, посмотрела на три черточки, выглядывающие из-под завернутости и напрягла свое ясновидение. «Ну, до чего может еще додуматься этот...» – снисходительно усмехнулась она и небрежно дорисовала свою часть.

Анатолий торжественно развернул коллективное творение и тихо офигел. Вдоль его позвоночника проложили тропу суетливые мурашки.

– Р... Рыжик, кто научил тебя рисовать Это? – выговорил он, стараясь не смотреть на жену и нервно комкая листок.

Рыжик потускнел, своим ясновидением остро предчувствуя очередную педагогическую репрессию.

– Танька... – шмыгнул он новой сопелькой.

«Так. С этой акселерирующей чертовкой его сын больше не водится. Хотя...» – Анатолий живо представил то, во что переходило нарисованное им туловище над плечами и то, во что оно превращалось внизу и заразительно расхохотался.

– Слушай, как ты могла подумать, что я нарисовал такое? – наконец спросил он жену, – ну, я же не такой примитивный, а?

– Да уж, раньше мы друг друга лучше понимали, – укоризненно заметила Алена.

– Хм. Действительно. Помнишь, как у нас все чудесно совпадало?

– Как не помнить...

– Давай попробуем, – Анатолий слегка задумался над прошедшей в голову идеей, – но сделаем это по Рыжиковой методике. Сначала ты напишешь что-нибудь, завернешь, а мне оставишь только последнюю строчку.

«Ну, вот, хоть какое-то занятие» – подумалось Алене, и она взяла немедленно принесенный счастливо избегнувшим расправы сыном листок, нагло выдранный из новой тетради.

– Нет! – заорал Рыжик, – Я вас знаю! Ты, ма, сейчас про любовь напишешь, а па сразу рассечет! Я щас скажу тебе, про что писать на ушко! – и он горячо зашептал мамочке. Та кивнула и на пару минут закрылась локтями, едва заметно улыбаясь как Джоконда.

Выкуривший на балконе сигарету Анатолий уселся за стол и, придвинув листок, с улыбкой чуть сдвинул завернутый край, чтобы лучше открыть последнюю строку. Бдительный Рыжик, не разобравшись и прекрасно сознавая свое превосходство в настоящий момент, смачно оттянул батяню по заговивку своей маленькой ладошкой.

– Чо подглядываем?

Анатолий поморщился, сосредоточившись, легко понял,

о чем идет речь и витиевато продолжил незатейливую мысль. – А теперь, снова ма! – потребовал Рыжик. Процесс продолжался, пока не закончилась страница.

Рыжик выхватил листок, развернул его, нерешительно потоптался и заискивающе сунул Анатолию.

– Па, сам читай вслух, а?

Анатолий взглянул и досадливо поморщился. Какая-то непонятная слабость и безразличие начали опустошать его мысли. «Вот, опять некто энергию отсасывает... вместо того, чтобы самому набираться...» – неприязненно промелькнуло в голове. Кто бы мог подумать, что этот пацан предложит писать про какие-то кактусы. А он воспринял колючки на свой счет.

– Раньше бы ты зарядила кончик фразы для меня, – как-то машинально упрекнул он. Алена хмыкнула и молча отобрала листок.

Анатолий подумал, что раньше даже при таком результате они, несомненно, нашли бы многочисленные и чудесные подтверждения своего необыкновенного взаимопонимания. Но сейчас это было уже ни к чему. Ну что ж, если нет прежнего понимания, он косо глянул не жену, не пора ли подумать о...

– Бери свою гитару и пойдем к Егоровым, – вздохнула Алена, чисто по-женски предугадав направление мыслей мужа и поспешив отвлечь этого большого ребенка.

Анатолий передернул бровью и достал новую сигарету.

– Можно я пока пойду на улицу? – чуть не хныча, попросил Рыжик, – Чтобы энергию не отсасывать...

– Ну уж нет! – грозно фыркнул Анатолий, вспомнив Танькины уроки.

Домой они вернулись поздно вечером, с висящим на руках полусонным Рыжиком.

Этой ночью Алена увидела первый из своих удивительно реалистичных и совсем не в ее обычном стиле снов, будто нашептанных кем-то. Она знала все о снах или думала, что знает, нисколько не засомневалась в важности и значительности виденного и, когда проснулась ужас наполнил ее душу самыми безжалостными предчувствиями. «Что же это со мной такая фигня творится?..» – растеряно подумалось, уединившись в туалете и машинально сматывая на руку мягкую бумагу из рулона.

Она ясно вспоминала все подробности.

Вечное лето 1

Заснув сразу, как провалившись, она вдруг осознала себя в каком-то стремительно спускающемся фантастическом аппарате, что для ее снов было категорически не свойственно. Гравикомпенсацию отключили, и на крутых виражах стало захватывать дух. Алена никак не могла прийти в себя, с волнением жадно всматриваясь сквозь невидимые стенки капсулы в стремительно приближающиеся детали пейзажа. Удивительнее всего было то, что она четко знала, зачем здесь появилась. Вместе с ней была маленькая девочка – ее дочь! и был Он, но вовсе не Анатолий. И эта деталь ее сна никак от нее не зависела... хотя непостижимым образом временами она оказалась способна понимать даже то, о чем Он думал.

Наглый гид-водитель в двух словах прояснил местные особенности, даже не приземляясь, спихнул ногой вниз несколько ящичков через распахнувшийся люк, и, едва дождавшись, когда они прыгнут, взмыл вверх. Восходящим потоком всколыхнуло траву, взметнуло ее платье и Его волосы. Дочь Алина радостно запрыгала, взвизгнула и замала ручонками вслед стремительно улетающему призрачному силуэту. Они ошеломленно озирались, еще не до конца осознав, что начинается их новая жизнь, прямо здесь, на большой поляне, густо заросшей кудрявой пушистой тра-

вой, на планете Вечное Лето системы Альдебарана.

Алина уже с визгом гонялась за огромной ленивой бабочкой, крылья которой переливались как два компакт диска.

– Мам, а бабочки же не кусаются? – закричала она, смело схватив трепещущуюся тварь за одно крыло, пока второе как веером обдувало ее лицо.

– Нет! – ответил Он вместо мамы, – Она сама страшно боится, как бы ты ее не укусила!

Он знал, что еще пара часов и огромный красный Альдебаран закатится за сплошную стену джунглей. Надо успеть повесить гамаки. Алинин – на верхние ветви, чтобы не добрались любопытные хрюкопухи, а другой – пониже. Алена все еще нерешительно стояла, привыкая к зелено-голубому, как морская вода небу, теплему ветерку, несущему незнакомые запахи, абсолютно неземным выкрикам птиц в лесу. Он успокаивающе улыбнулся и нежно поцеловал ее.

– Мама!!! Смотри, какая тут речка! Можно я искупаюсь?

Алена, наконец, очнулась, приняла эту реальность или ту игру, в которую ей предстояло играть в этой реальности, коротко сжала Ему руку и пошла к Алинке.

Несколькими пинками Он разбил первый ящик. Так. Куча женской одежды и косметики. Он это сюда не клал. Неужели она собирается ходить здесь на танцы? Тут же в пакетах лежала какая-то еда на первое время, куча разных нужных и ненужных вещей, аптечка и кухонная посуда. Гамаков нет. Но есть Большая Красная Кнопка. Гамаки, конечно, нашлись

только в последнем ящике. Он навалил на них разбросанные вещи, впрягся и потащил все это к джунглям.

Алена подбежала, возбужденная и предвкушающая все предстоящие удовольствия. Ей явно здесь начинало нравиться.

– Где мой купальник?! Тебе помочь? – она, засмеявшись, ухватила рядом с ним и изо всех сил потянула, смешно пробуксовывая по скользкой траве длинными ногами.

– Аленка! А я тогда зачем? – крикнул он, – Иди купаться с Алиной, разведайте самые лучшие места!

Они остановились и Алена, схватив первый попавшийся купальник, тут же переоделась.

– Не сторю? – она, сощурившись, взглянула на огромный, почти не слепящий диск Альдебарана.

– Даже не поджаришься, здесь очень мягкий ультрафиолет.

Они как сговорились не упоминать о прошлом. Что бы ни случилось раньше, здесь пусть будет их мир...

Наконец Он дотянул груды вещей до деревьев. Упругая трава позади даже не примялась. Снял ботинки и разделся, оставшись в плавках. Потом выбрал два раскидистых дерева, стоящих рядом на подходящем расстоянии и без особых проблем привязал на высоте вытянутых рук сначала Алинин гамак, затем другой, побольше, у самой травы. А сюда уже бежали его женщины! Не совсем то слово – бежали. Слишком большую рыбу тащила Алина в своих детских ручках,

а ее мамочка прыгала вокруг сама как ребенок. – Это я ее поймала! – визжала Алина.

Наконец ее ручки не выдержали, рыба выскользнула и шлепнулась на траву. Такой крупной, блестящей ярким перламутром чешуи он еще никогда не видел.

– Она сама захотела со мной играть! – Алина присела и стала гладить насмерть уставшую рыбину. Алена тоже присела, разглядывая добычу. На ней еще не высохли капельки воды, на плечах раскинулись мокрые волосы. Он с трудом отвел глаза.

– Какая красивая рыба! – восхитилась Алена, – Алина – лучший рыболов! – она внезапно сильно толкнула его, он свалился на спину, но тут же перевернулся и вскочил на ноги.

– А ты знаешь, Алина, что рыбы не любят жить без воды? – спросил Он, – и даже совсем не могут. Надо придумать, что с ней делать.

Алина оказалась слишком сообразительной.

– Мы же не будем ее кушать!? – закричала она так, что сразу стало ясно: на этот раз рыбы на ужин не будет. – Нет, конечно! – улыбнулся Он, поднимая рыбину. Было в ней килограммов пять. Как же ребенок дотащил это скользкое чудо? – Давай отнесем ее обратно пока живая. Покажи, где ты ее поймала?

– Она сама ко мне приплыла! – Алина побежала вперед к речке. Вода была удивительно прозрачной и прохладной.

Он ступил на довольно глубокое дно и выпустил рыбу. Та плюхнулась боком, безжизненно всплыла, ее начало плавно относить течением, но скоро хвост вздрогнул, еще раз и, наконец, рыба, показав свою спину, ушла под берег, заросший низко свисающими кустами с темными ягодами, похожими на ежевику. Ягоды оказались очень приятными и необычными на вкус. Алена тоже попробовала: слишком вкусно, чтобы удержаться и не сорвать еще!

– А рыбка поплыла к своим деткам? – спросила Алина, по бегмотному высовывая из воды только свою голову.

– Нет, – зачем-то возразил Он, – к своей подружке, чтобы рассказать, как с тобой познакомилась!

Конечно же, Алина полезла под куст, надеясь подсмотреть как беседуют рыбы-подруги.

– Пойду, раздобуду что-нибудь на ужин, – сказал Он, – не перекупай ребенка!

Он обнял и поцеловал Алену, все еще не до конца веря и привыкая, что они вместе. Потом слегка шлепнул ее по упругому заду и выскочил на берег, едва успев увернуться от ее почти молниеносного ответа.

– На охоту? – спросила она, слегка нахмутив лоб, но смиряясь с неизбежными атрибутами бытия.

– Ну да.

– А как же боевая окраска? Давай я тебя разрисую своей косметикой!

– Вечером, если охота будет удачной, то в нашем племени

будут пляски. И тут уже без раскраски никак!

В куче вещей у деревьев Он наконец нашел чехол со скор-
чером, осторожно вытащил его и осмотрел. Все было в по-
рядке. Обувшись и, нацепив маленький рюкзачок с поясом
прямо на голое тело, он пристегнул оружие и быстро пошел
в лес.

Глупая фея

Алена проснулась...

В кровати она была одна, как обычно проспав пробуждение семьи. Анатолий уже собирался уходить на работу. Колдунам тоже приходится зарабатывать деньги. Мелькнув в проеме двери, он махнул ей рукой, и входная дверь громко щелкнула замком. Нужно было прожить еще один день.

В комнате Рыжика было подозрительно тихо. Алена встала босыми ногами на коврик. Рыжик старательно что-то творил, склонившись над своим столом, и Алена крадучись прошла в туалет, закрылась, а через минуту ее сон разом и без предупреждения встал перед глазами. Механически наматывая бумагу на руку, она... Она почувствовала, что так может и с ума сойти. Что-то очень важное и странное творилось в этом мире...

Ах, если бы она знала, насколько опаздывает ее предчувствие! В мире давно уже творились совершенно никуда не годные беспорядки на самом его представительном уровне, и судьба самой Земли зависела от прихоти неких фантастических для людей сущностей, совершенно безответственно к этой судьбе относящихся.

Беззаботное существо по прозвищу Алалотмель совершала свое обычное развлекательное путешествие. Родной мир давно ничем не удивлял ее и не радовал. Привычное

не может восприниматься как чудо. Алалотмель была что ни на есть настоящей феей, и для нее это было привычным и надоедливо обыденным: феи не живут среди чудес. Черт! она бы даже согласилась воплотиться во что-нибудь примитивно-волосатое, но умеющее радоваться самым непреходящим моментам своего существования. Прикусив с досадой губки по поводу невольной вырвавшегося мысленно ругательства, она тут же чисто по-девичьи начисто позабыла это, заметив совершенно новый и, значит еще полный незнакомого для нее мир.

Нетерпеливо пролетев верхние слои атмосферы, и достигнув величественно клубящегося густого облачного покрова, она чуть не ошпарилась от головокружительной скорости и, хлопая себя по горячим бокам, затормозила, пробежав в игривом танце по ослепительно сияющим белым верхушкам облаков.

Она включила всезнающий режим восприятия и тут же безглаголиво поморщилась: человекообразные... Они расплодились здесь как тараканы, такие же не довольные существующим и все время чего-то ищущие. Главным продуктом их метаболизма являлись так называемые идеи. Такие же тупые и самонадеянные, как и сами человекообразные. Кое кто из высших считал это самобытной ценностью, несмотря на удивительную бредовость и противоречивость этих идей. И еще эти их «моральные и этические переживания» в самой своей примитивной форме. Это так же некоторыми це-

нилось и исподтишка использовалось на манер своеобразной порно-продукции, позволяющей пожить чужими страстями, щекочущими погрязших в вечности и всепонимании, с давно атрофировавшимися собственными способностями творения нового.

Алалотмель передернула прекрасными плечиками от омерзения. Как это отвратительно! О Боже, почему Ты это терпишь?? Она вдруг замерла, прислушиваясь к возникшей в глубине ее души новой и восхитительной мысли. Да, почему бы и нет? Она вдохнет в этот мир самую высшую, самую чистую и прекрасную Любовь! Она перевернет весь этот порочный мир и наполнит души пребывающих здесь тварей волшебным сиянием божественной Любви...

Как всегда, быстро и без остатка загоревшись очередной захватывающей целью, она с наслаждением открыла сердце этому миру.

Алалотмель опустилась в первый подвернувшийся лес, окружающий какое-то большое людское поселение, бесследно пробежав по свежевыпавшему снегу, стала среди зимней тишины рядом с давно поваленным стволом с черными следами от костра отдыхающих и воздела лицо к серому небу. Снежные хлопья бесшумно опускались, приятно лаская лицо. Она принялась творить свою магию, вплетая нити света в клубящуюся мглу порока, сопровождающего мысли и дела человекообразных и совершенно не подозревая о некотором равнодушии к этому миру сущности куда более кру-

той, чем она сама. Чисто реликтовом неравнодушии, происшедшем из простой причины своего собственного происхождения от тех самых порочных тварей, которых она решила возвысить.

Зам самого Творца Вселенской Гармонии, воплощенный в энеггомассе метагалактически внушительного тела, ... сопел в неудобно маленькие дырочки своего носа. Какая-то там Алатотмель чудит в заповеднике Земля, колыбели самого Зама, серьезно озаботившись недоступными ее пониманию жизненными задачками аборигенов. Ох уж эти инициативы низов. Решила вот взять и возвысить их духовность! Как будто бы так сложно всех этих людишек вышвырнуть на любой уровень развития их духовности если бы это понадобилось. А может действительно устроить там апокалипсис?.. Зам Творца полторы микросекунды обдумывал этот вариант урегулирования, но легкие решения были не в его натуре. Он вздохнул и почесал Волосы Вероники на своей метагалактической репе. Нет, во-первых, он не может прерывать поток щедро оплачиваемых самобытных нетленок во вселенскую видеотеку. Во-вторых, неспроста разведены в заповеднике несколько миллиардов проживотных телесных структур для набора того специфического опыта, который можно приобрести только в условиях приземленного существования. А витая в бестелесной ипостаси никогда не придумаешь таких интересных вещей, забористых ситуаций и.. он с удовольствием вспомнил несколько триллионов

страстных любовных сцен, смоделированных неутомимыми людишками. Надо признать, что сотворение жизни было гениальной находкой, без которой все тут просто бы сдохло от тоски. Все-таки следствием закона природы, на котором особенно настаивал Творец, ну, который гласит, что из ничего не возникает ничего, является и то, что невозможно было разом сотворить это бесконечное разнообразие душевных приколов. А теперь нескончаемый поток искр божьих, которые они называют душами, трудятся там как пчелы, совершенствуя свои качества и производя стабильный энергопоток любви всех видов на любой вкус. Те, кто загрузился этим добром под завязку, возвращаются в божественное лono, а свежие искры посылаются им взамен.

Эта Аалотмель взялась просто так остановить эту грандиозную по замыслу божественную электростанцию? Уж не воображает ли она, что искры божьи нуждаются в каком-то еще совершенствовании и они недостаточно доброкачественны как частицы бога? Ведь должна же по статусу понимать положение вещей... Может ее саму воплотить там в какое-нибудь прелестное девичье тельце? Зам Творца раздвинул созвездие Близнецов в доброй улыбке. Да и ведь среди людишек, ведомых естественными позывами животной мотивации, всегда было много таких нетерпеливых, которые торопятся обратно, ленятся честно отработать свое и норовят свалить в самоволку еще при жизни...

Ну вот и чудненько, сейчас мы ее пристроим... как там

у нас с лимитом неугасимой любви?.. Хм, всего несколько проявлений на столетие? Да уж, вот где еще не наработаны ресурсы. Вот пусть и отрабатывает.

Алена всегда знала, что она не такая как другие. Среди обыденности ее существования внезапно и страстно прорывались волнующие возвышенные чувства, ей так мешало это тело с его земными и подчас гадкими желаниями. Она искала светлой и вечной любви, истово веря, что во Вселенной нет чувства более высокого и сильного. Но как найти такую любовь среди множества людей?! Не простым же перебором?! Ее влекло то к одному, то к другому. Она быстро загоралась, видя признаки ярких чувств у очередного мужчины, но вскоре разочарование постигало ее или, увидев еще более заманчивые качества в другом, перепархивала на этот цветок. Вскоре ее уже ужасала перспектива нескончаемо менять мужчин, так и найдя того, кто мог бы поселить в ее сердце желание верности и вечную любовь. Может быть, она просмотрела такого впопыхах? Может быть, это просто глупые отголоски девичьих мечтаний и пора смириться, просто крепче врать в благополучный семейный быт, хлебнув до конца все его радости и горести? Кто бы мог подумать, что найти истинную любовь – такая трудная работа и как много при этом нужно передумать, пережить, страдать и искать?! Или ее ошибка в том, что она ищет готовую любовь вместо того, чтобы самой взрастить этот цветок? Но это не менее

трудная задача: нужно найти благодатную отзывчивую душу, способную питать такой цветок и нужно еще уметь выращивать его! Конечно, готовый цветок она не найдет, кто же свой отдаст? Как-то наивно все это...

Приготовившийся было уже релаксироваться во флуктуирующий вакуум Зам Творца, напоследок с наслаждением затянулся сигаретой, ферментированной отжившей свое цивилизацией, которая красиво осветилась ярким огоньком сверхновой и подкрутил спираль Туманности Андромеды. Несметное количество освобожденных искр божьих потянулись в божественное лоно. С «экологическими» проблемами там, как и со всеми другими было покончено, и никто об этом не жалел. Он бросил мимолетный взгляд на Землю, задержался и добродушно усмехнулся. Суматошная Алатотмель обрела вполне земное тело и желания. Главное – с каким изяществом им решена проблема! Хотя волны магии феи успели всколыхнуть сознание этого мира и в Земной Америке в одной из церквей 720 прихожан, пожелавших быть осчастливленными, истово доверились наставникам, протянувшим им руки помощи с красивыми пилюльками верного и быстрого яда. Они одновременно доверчиво приняли яд и очарованные манящей вечностью оставили свои ненужные тела, уносясь в обещанную волшебную сверхреальность. Правда, очнувшись от тел, группа искр божьих сразу поняла, что натворила, и рой растерянных самоволь-

щиков был водворен обратно, в новые воплощения, но уже с более низким уровнем инициативы, чтобы дать возможность отработать проступок. Но это была мелочь. Так же, как и надуманные проблемы с экологией, которая на Земле постоянно менялась неизменно: каменноугольная жизнь в атмосфере почти чистого углекислого газа сменялась кислородной, кислородная вполне могла перейти в угарно-смоговую, но жизнь всегда приспосабливалась к любым условиям. А вот нетленки людишек век от века становились все забавнее. В их сюжет привносила неожиданный смак окружающая реальность, а не высокоэнергетические грезы. Ничего в этом мире не было задумано напрасно. И высший продукт, производимый здесь, – любовь, тоже взращивался на местных плантациях болью, смятением и поиском. А что касается потока не совсем чистой энергии оттуда, то любое сырье, естественно, нуждается в очистке.

Вечное лето 2

Алене опять снился этот сон. Было ощущение, что и не сон вовсе. Иногда бывает такое, что во сне как бы просыпаешься и некоторое время живешь так, сознавая все как в реальности. Алатотмель... Алена... что-то болезненно напоминало ей это имя, созвучное с ее собственным.

Она вошла в ванную. И там сразу увидела Большое Полотенце. Она сразу узнала его и вздрогнула. Теплые, но грустные воспоминания о том времени, когда ее воспринимали с бесконечной любовью как фею, закружили ее память. Она была феей... когда-то, так давно... Она остро знала, что Это сейчас опять произойдет и замерла в предчувствии. Вошел Он, ласково улыбнулся, и она снова стала феей. Она не хотела сейчас думать ни о чем другом. Просто с легким вздохом обняла его и очень нежно поцеловала.

– Сейчас мы искупаем ласковую, любимую девочку! – тихо сказал он, и этот воскресший вновь голос заставил затрепетать ее.

Приоткрыв ее халатик и обнажив плечи, он осторожно отвел локоны длинных волос и коснулся ее шеи нежными губами. Сводящая с ума волна разлилась по телу, с каждым легким прикосновением погружая в волшебный мир долгожданной, почти забытой истинной близости. Халатик упал к ногам, и она запрокинула голову, удерживаемая его рукой

чуть выше талии.

Потом он перенес ее в ванну и, улыбаясь так, как будто хотел приоткрыть ей волшебное таинство, мягкой губкой принялся неторопливо намыливать ее груди, отчего захотелось закрыть глаза и дышать чуть приоткрытым ртом, ее чудесный животик... Она снова перенеслась в их новый мир Вечного Лета и увидела его, уходящего на первую охоту, чтобы накормить ее и дочь. Он опять по обыкновению думал о всяких своих ниоткуда возникающих проблемах.

Вот, опять этот странный эффект! Когда, наконец, получаешь то, о чем столько мечтал, вот оно пришло, но... праздника почему-то нет: все встает на свои обыденные места. А ведь казалось, что с ума сойдешь от счастья.

Все же есть большая разница между тем, когда что-то чудесно удалось и хочется кричать эврику и тем, когда уже пользуешься своей удачей. Радость возникает только в момент достижения цели, остальное может приносить только мимолетное удовольствие... Получается, что нет такого места, где будет постоянное радостное ощущение счастья, и что тогда он тут делает?.. Пусть это так, но пока рядом Алена он точно хотел бы оставаться здесь вечно. Ощущение рядом близкого человека оказалось более значимым, чем желание счастья. Эта мысль его успокоила.

Он шел, с шумом раздвигая ногами густую упругую траву, спину ласково пекло багровое светило, такое огромное, что

казалось лежит прямо на плечах. Перед ним – совершенно незнакомый, удивительный лес, его ждет любимая женщина с дочкой, а у него нет волнующего ощущения сказочно прекрасной сбывшейся мечты. Может быть потому, что он знал, что никогда не будет вместе с Аленой в родном мире, к которому они не просто привыкли, а были созданы им: от привычек и манер до представлений о красоте. И это опустошающей тяжестью давило изнутри, лишая беззаботной радости непосредственного восприятия.

На Земле дикий лес всегда многоярусный. Между деревьями растут кусты, которые и делают лес непролазным. Здесь же, казалось, увлеченно поработал кинорежесер из детской сказки. Темно-зеленые стволы раздавались гигантскими зонтиками над головой, а могучие ветви прорастали одна в другую, сплетаясь в непроницаемый зеленый покров. Высокая трава, пряно пахучая и достающая почти до колен, густо вздымалась, напитанная неземной жизненной силой. Огромные соцветия самых немыслимых форм вызывающе выглядывали среди нее. Что-то кричало и свистело наверху, недоступное ни взгляду, ни оружию.

Он остановился, выжидая, чтобы зверье, если оно здесь есть, спокойно занялось своими делами и позабыло о его присутствии. А может они и не способны воспринимать его, раз никогда не видели? Говорят, что, когда испанские каравеллы подошли к берегам Америки, туземцы в упор их не замечали потому, что никогда не видели подобных форм.

А птицы и звери необитаемых островов совсем не боятся людей.

Ничего не происходило, только по шершавым стволам суетливо сновали вереницы фиолетовых жуков, и недалеко раскачивал в шизофреническом экстазе свою паутину пятнистый как десантник в камуфляже здоровенный паук.

Что-то горестно вздохнуло невдалеке. Медленно сняв скорчер, Он осторожно раздвинул ветви молодого дерева. Кажется, повезло! На поляне, на высоком бугре взрытой земли, около свежей норы сидел жирный хрюкопух, время от времени комично вздыхая. Он презрительно смотрел ему прямо в глаза, выражая свое отношение по поводу такого вот умения подкрадываться. Потом чуть склонил голову и принялся неожиданно проворно чесать передней лапой ухо. Жест получился оскорбительно уязвляющим, и Он, опустив скорчер, оглушительно крикнул. Хрюкопух коротко подпрыгнул, замер в ошарашенности, и под ним позорно разошлась темная лужа. Ну, разве можно стрелять в такого труса?

Еще через час, когда уже начинало темнеть, и пора было бы возвращаться ни с чем, темной тенью наискось побегало что-то похожее на зайца. Он, не раздумывая, выстрелил. Взметнулась куча листьев прямо перед зверьком, заяц подскочил очень высоко и тут же второй выстрел снес ему голову.

Однажды отец решил устроить ему воспитание мужественности и послал в курятник забить курицу к обеду. «Ну, посмотрим, посмотрим, что ты за мужик у нас!» – говорил отец, совсем не шутя, и вот он навес с панически разбегающимися курами. Наконец он поймал отбивающуюся белыми крыльями птицу и понял, что не способен отрубить ей голову топором. Но не было никакой возможности не выполнить миссию, и тогда он заволок курицу в свою самодельную лабораторию в сарае. Там налил на ватку эфира, и через минуту та затихла. Под этим наркозом он уже смог провести декапитацию. Оказалось, что все мясо провоняло эфиром и его пришлось выбросить. Отец был – само презрение. Когда неминуемо подошло время добыть следующую курицу, он вынужден был использовать другой способ. Натолкал в пластмассовую трубку взрывчатки, вставил самодельный взрыватель, обмотал трубку вокруг шеи петуха, поджег шнур и, бросил это все в огород. Взрывом отсекло птичью голову, но перья разлетелись по всему огороду и их заставили собирать все до единого. И все же, жесткое воспитание принесло результаты. Он без содрогания подошел к тушке. Это очень походило на огромных памирских зайцев, которых как-то его друг подстрелил на охоте. Он ободрал шкуру и повесил ее сушиться на дерево, стараясь запомнить место, а мясо засунул в пластиковый пакет и спрятал в рюкзак.

Выходя из леса, Он вдруг заметил необычное дерево, низкие ветви которого провисали под тяжестью бутылкообраз-

ных плодов ярко оранжевого цвета. Ну что же, если они ядовитые, то на такой случай есть Большая Красная Кнопка. Он беззаботно сорвал одну бутылку, вцепился зубами в бок, и его окатило брызнувшим соком. Это и была самая настоящая бутылка. То, что попало в рот, оказалось восхитительного вкуса. А запах пряным облаком разнесся вокруг. И тут фиолетовые жуки на ближайшем стволе прекратили беспорядочное движение и все разом развернулись в его сторону. Похоже, они были очень равнодушны к этому соку. Застресали, раскрываясь, сотни панцирей, выбрасывая крылья, и стая с неторопливой тяжестью и деловитым гулом полетела к нему. Может быть, у них еще и жала есть?! Он рванул к речке, хорошо, что она была уже недалеко и, в панике пролетев все расстояние, почти не касаясь травы ногами, на ходу отбрасывая скорчер и рюкзак, сходу ушел в воду. Торопливо отмывшись, Он приподнял голову из воды, удовлетворился тем, как растерянно кружатся жуки, и только тогда выбрался из речки.

Огромное заходящее светило, похожее на нарисованный ребенком коричневой пастелью купол, лишь на треть выглядывало из-за леса. Он подобрал рюкзак и оружие и легко побежал к стоянке.

Здесь стало по-домашнему уютно. Напоказ аккуратно развешанные и разложенные вещи, Алинка, с чем-то увлеченно возящаяся в траве. Алена же явно не находила себе места. Она подняла глаза, увидела его и радостно бросилась на-

встречу. И он понял, как безумно соскучился даже за это короткое время. Они обнялись, как будто он вернулся издалека, и молча стояли так, пока не привыкли к тому, что снова вместе.

– Ты чего весь мокрый?

Он начал торопливо рассказывать с шутливой иронией и, все еще обнимая ее, потянул за собой.

– Смотри, – она, улыбаясь, показала на дочь.

Алинка успела приручить парочку наглых и невероятно прожорливых хрюкопухов, сделала им гнездышко из вещей и травы и всю скармливала остатки запасов еды. Вокруг валялись порванные пачки от чипсов и печенья.

Остаток вечера терять было нельзя, Он набрал сухих веток, вырыл небольшую яму, посолил мясо, густо замесил глину и, толстым слоем обмазав тушку, положил в яму. Алена с предвкушающей улыбкой составляла на мониторе проигрывателя музыкальный сборник из неисчерпаемого архива записей. Вскоре в пронзительные звуки вечернего леса вплелись не менее пронзительные звуки музыки.

Он разложил над ямой ветки и поджег костер. Пока огонь разгорался, сбегал к бутылочному дереву и нарвал полный рюкзак плодов. Обратно бежал уже на яркий мерцающий свет костра.

В сгустившемся полумраке Алинка прыгала около горящих веток, а Алена ухитрялась разрисовывать ее яркой помадой и тенями. Они весело визжали и бесились, черпая ра-

дость в каждом движении. Они хорошо умели веселиться, а та удача, что они когда-то открывали, участь этому искусству, теперь сопровождала их действия радостью. Это оказалось продолжением его мыслей о счастье. Он тоже мог бы рисовать, писать и даже петь, то, чему он хорошо научился, то, что будет приносить ему радость при каждой импровизации. Но, радость от новой найденной эврики оказывается куда ярче и ценнее.

Он сбросил рюкзак, подошел, и тут же первые яркие полосы легли не его лицо. Он тоже вымазал пальцы в краске и провел по телу Алены. Они танцевали, пили из бутылочных плодов, отгрызая узкие горлышки и стараясь не пролить ни капли, чтобы не привлечь жуков. Альдебаран давно уже скрылся, и в черно-синем небе горели самые яркие звезды. Наконец, Алинка устала до изнеможения и бросилась в объятия к мамочке. Он дал догореть последней порции веток и разбросал золу, а вместо костра включил лампу. Извлек палками из ямы спекшийся ком, разбил твердую корку и в ноздри ударил аромат печеного мяса. Алинка заскулила от предвкушения. Алена недоверчиво подошла, еще не зная, что со всем этим делать, но запах оказался сильнее. Обжигаясь, они начали выковыривать податливые куски и есть их. Некоторое время ритуал жадного поглощения происходил в сосредоточенном молчании под очередную мелодию. Наконец Алена подняла глаза и довольно улыбнулась. Алинка вскоре тоже наелась до отвала и сонно уселась на тра-

ву. – Мам, жарко! Я хочу мороженого!.. она замолчала, задумавшись, вероятно вспоминая все хорошее, что оставила на Земле. И заметно погрустнела, – Мам, я мороженого хочу! – повторила она совсем тихо.

– Ну, здесь же нет мороженого, – Алена ласково погладила ее по голове и притянула к себе. Раздались отчетливые всхлипывания. – Все, – решил Он, вставая, – возвращаемся домой. Когда-нибудь еще сюда вернемся. Алинка, попросишься со своими зверьками. Как их зовут? А вот искупаться уже не успеем.

– А кто их кормить будет? – подозрительно спросила Алина, широко раскрыв свои глазища.

– Никто, теперь придется им поголодать.

– Я не хочу домой!

– Дома мороженое.

– Я уже не хочу мороженого!

– Ну, ладно, – сказала Алена, – сейчас мы посоветуемся и, может быть, останемся здесь.

– Ура! – Алинка вскочила, чтобы провести своих сморенных обжорством зверей.

Потом они сходили на речку чтобы умыться на ночь. На небе вылезло сразу две луны, и фонарик не понадобился. Он достал Алинкин спальник. Алена сводила ее за круг света.

– Залазь!

Алина послушно, засыпая на ходу, влезла в спальник, –

А можно я возьму с собой пушистиков?

– Нет, им будет не удобно! – Он поднял спальник с Алиной на гамак и притушил светильник, – Спокойной ночи!

– Спокойной ночи, приятных снов, цветных, радужных, – произнесла она тихой скороговоркой и закрыла глаза, – Мам!

Алена подошла и поцеловала ее на прощание.

А потом она подошла к Нему и взяла за руку. Они ступили в лунный полумрак. Вдруг сильно забилося сердце и его охватило волнение как школьника на первом свидании. Алена сжала его руку и придвинулась ближе. Пройдя всего несколько шагов, они одновременно остановились. В голове все еще звучала последняя мелодия. Они бесконечно нежно обнялись, все вокруг перестало существовать. Подчинившись мелодии и тому, что владело ими, они начали медленно танцевать, целуя друг друга.

Они пришли в себя от холодных струй внезапного ливня. Некоторое время ошеломленно продолжали лежать, крепко обнявшись, потом вскочили и побежали к гамакам. Что-то настойчиво толкнуло ее в бок, и Алена проснулась.

– Вставать давно пора! – раздался несколько суетливый голос Анатолия, – Ты чего это так зарумянилась? Заболела что ли?

Алена некоторое время ничего не могла сказать, только смотрела в потолок широко раскрытыми глазами. Она –

фея... Но этого никто здесь не знает...

Дверь с шумом распахнулась.

– Привет, шнурки!

Как обычно, она осталась одна дома. Еще Рыжик, но от этого не возникало ощущения, что она не одна, даже когда он с разгона бодал ее головой. Больно же! Что за странные развлечения у сына? Она вспомнила свои развлечения и закусила губы.

Сегодня все валилось из рук. После почти удачной попытки обеденного кормления уложила спать отчаянно брыкающегося Рыжика. И прилегла сама, остро ощущая, что сейчас опять провалится в тот манящий мир... Так и случилось.

Они влетели из стены ливня под зонтики деревьев. Там было сухо. Широкие листья, днем жадно собирающие ленивые кванты большого Альдебарана, сейчас работали как надежная черепица. Но даже если бы протекло, то непромокаемые интеллектуальные спальники просто бы раздули бы свои капюшоны над входом. Притушенный светильник над Алинкиным гамаком высвечивал два больших пушистых комка, устроившихся на спальнике.

Мокрые, они торопливо забрались в широченный спальник. Он мельком взглянул на часы. Половина двадцать шестого. Еще даже не полночь. Ужасно неудобны альдебаранские часы с их 26,5 земными часами в сутках. Люди, живущие в пещерах без видимой смены времени суток, уже

на вторую неделю перестраиваются на 48-часовой ритм. Интересно, с какой 48-часовой планеты прилетели наши предки?

Он привстал, раскачивая гамак, потянулся и выключил светильник.

Земную жизнь он потерял вместе со своей любимой и теперь в этой подаренной ему дополнительной жизни смертельно не хотел отпускать ее. Он зарылся в ее волосы и его пальцы сами по себе ласково выписывали узоры на ее спине.

Вскоре оба крепко заснули. Заснули во сне?!

Она распахнула глаза, вскочила, мотнула головой, прогоняя наваждение, так, что длинные волосы взметнулись над ней. Сейчас она была похожа на ведьму, а не на фею. Нужно что-то делать, чтобы не сойти с ума! В соседней комнате раздался оглушительный грохот и жалобный вскрик. Алена вбежала к Рыжику. Вслед за грохотом через время, необходимое для осознания несправедливости случившегося, последовало безутешное рыдание. Пред высоким шкафом стоял стул, на стуле – табурет, на табурете – перевернутый ночной горшок из самого раннего детства. Что было на горшке оставалось непонятным потому, что оно свалилось вместе с Рыжиком и, в отличие от него, видимо куда-то закатилось. Алена упала на колени и тщательно ощупала мокрую от слез взъерошенную голову. Да разве с ним когда-нибудь что-нибудь случалось?! Хоть бы синяк получил в назидание!

– Ты что доставал там??

– Пластили-и-и-н...

– Я же не разрешила тебе играть с ним! Опять весь пол будет в лепешках!?

Под давлением вины плач стих.

День продолжался как обычно. Если не считать того, что она начала видеть сны уже наяву, что приводило в смятение. Потом поняла, что это касалось только того, что проходило без ее участия. Она оказалась способной заглядывать в мир Вечного Лета когда того желала и не могла сдержаться, чтобы не подсматривать, что же они там делают.

А там было еще темно, но в этой сереющей темноте уже угадывался рассвет. Алена спала на спине рядом. Это казалось необычным – смотреть на себя спящую, но это быстро прошло, и она слилась в восприятии.

Он, чуть привстав, наклонился и почти неощутимо поцеловал ее. Хотя рядом с ней было так хорошо и уютно, но он раскрыл свою сторону спального и осторожно сполз на траву. Лун на небе не было, но уже можно было различать предметы. Он пробежался к речке, искупался, потом нашел мешочек с посадочным материалом, лопату и, выбрав неподалеку подходящее место, принялся возделывать огород. Когда Альдебаран тускло выглянул из-за цепочки снежных гор по другую сторону от леса, он уже рассадил по грядкам несколько видов овощей, рекомендованных для Вечного Лета инструктором (в лице некоей странной, но доволь-

но добродушной сущности) и поливал их из пластмассовых мешков речной водой. Сегодня же нужно начинать строить хижину. Ему позволялось свалить здесь четыре дерева.

Он вернулся к гамакам. В этот момент Алинка уже вылезла из спальника и, схватив под мышки обоих зверьков, прыгнула вниз, но из-за лишней тяжести промазала и повалилась на упругую траву. Звери с громким фырканием двумя белыми молниями полетели в разные стороны и только две трассы вздыбленной травы целую секунду указывали направление.

Фея и колдун

Только остатки воспоминаний о том, что все было совсем иначе, что кто-то вдруг подменил одну ее жизнь на другую, иногда возникали как отблески возможного, но нереализованного варианта ее судьбы. Не так давно она родила сына. Протест против такой подмены возмущенно сжимал тисками голову, но она ведь давно хотела еще ребенка, так зачем же протестовать, когда это стало реальностью? ... Он протянул пухленькую, розовую ручонку и коснулся ее губ. И только на миг Алена увидела промелькнувшее в его невинно открытых глазенках понимание. Она прижала теплую, чуть влажную ладошку к своим губам.

Так хотелось переложить свои проблемы на чужие плечи, не терзаться выбором, просто отдохнуть от всего, и чтобы тебя любили... А тут этот маленький человечек... Посвятить свою жизнь и свою любовь только ему и отгородиться от всего мира? Но она же фея!.. и есть тот, кто знает это и помнит, и будет любить, чтобы ни случилось... Вот, оказывается, как сходят с ума...

А все началось закручиваться в тугую историю гораздо раньше, в продолжении космических инсинуаций и коллизий после превышения власти Замом Творца, пусть и в отношении ничтожно более мелкой сущности, но все же... Ведь

есть же прекрасное правило, так наглядно сформулированное этими подчас очень даже шустрыми людишками: не нужно порождать сущностей без необходимости. Бритвой Оккама называется. Может быть, имелись в виду какие-то другие сущности, но вот эта была явно лишней с точки зрения Зам Творца: некое воплощение поправленной справедливости, так называемый Дракон Времени. Никто толком не знал, что это за такое образование и в чем заключается его истинная сущность и предназначение. Слишком редко он обретал власть над причинностью и перекраивал ее на одному ему понятный лад. На этот раз кара коснулась самого Зам Творца.

«Е-мае!..» – ошалело осознал свое новое положение и состояние бывший Зам. Имея огромную потенциальную продвинутость в духовном плане, он без труда в ключевые моменты мог предаваться свободному осознанию. – «Куда занесло...» – он хотел было привычно почесать Волосы Вероники, но детская ручка лишь скользнула по мягкому родничку на темени. «Ну и... очень хорошо. Если они там такие умные, то пусть сами попробуют покрутиться на его очень даже непростом посту. А он на славу отдохнет здесь и порезвится!» и, полностью расслабившись, с мстительным удовольствием обмочился. Потом ему стало нестерпимо скучно в этом человеческом коконе и, приложив незначительное усилие, он вышел из тельца и незримой тенью мелькнул в райские кущи ближайшей планеты эльфов. А в теле осталась первоначальная душа, которая с трудом принялась

оправляться от чудовищно потеснившей ее сущности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.